

Олеся Дербі Маргарита Рай

Вкус счастья
Дорогами судьбы

Олеся ДЕРБИ

Вкус счастья

«Издательские решения»

Олеся ДЕРБИ

Вкус счастья / Олеся ДЕРБИ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965975-0

Ритка — моя лучшая подруга. Увлекается раскладами Таро, дружит с колдунами и ведьмами, обожает прогулки в облаках и приключения. Нас разделяют страны и континенты. Но каждый четверг мы созваниваемся и рассказываем друг другу последние новости. Однажды Ритка сообщила, что нашла Белую комнату, где можно тайком общаться с душами известных людей. У каждого, кто приходит в гости, она спрашивает про Счастье. С позволения подруги и её друзей-чародеев делюсь с вами некоторыми интересными историями.

ISBN 978-5-44-965975-0

© Олеся ДЕРБИ
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
БЕЛАЯ КОМНАТА	7
Глава 2	8
СВЕТ	8
Глава 3	10
МАГИНЯ	10
Глава 4	12
СТРАННЫЕ ПУТИ СУДЬБЫ	12
Глава 5	14
СТРАШНАЯ СИЛА	14
Глава 6	16
ВЕДЬМАК	16
Глава 7	18
КОЛЛЕКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО	18
Глава 8	21
ТУМАННОЕ БУДУЩЕЕ	21
Глава 9	22
ЖИТЬ ДРУГОЙ ЖИЗНЬЮ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Вкус счастья

Олеся ДЕРБИ
Маргарита РАЙ

*Следуй за своим вдохновением,
и Вселенная откроет тебе двери там,
где раньше были стены.*

*Джозеф Кэмпбелл,
американский исследователь мифологии*

*Дизайнер обложки Наталья Залесова
Корректор Анатолий Заплатин*

© Олеся ДЕРБИ, 2019
© Маргарита РАЙ, 2019
© Наталья Залесова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-5975-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

– ОН подарил мне букет... Мои любимые цветы... – Ритка таинственно шептала в трубку телефона. Если бы она снималась в каком-нибудь загадочном фильме, то наверняка бы отошла за угол и прикрыла ладошкой рот, покрашенный красной помадой.

Хотела только спросить у замужней подруги, кто этот таинственный ОН, и по какому случаю вдруг подарил огромный букет? Но нас прервали. Сначала муж, который приболел и отправился в аптеку за шалфеем. Потом мама с привычными вопросами: «Где ты? Как ваши дела? Как дети?» Затем позвонила младшая сестра с личной просьбой. Потом брат решил поделиться планами на ближайшее будущее. С каждым поговорила, ответила на вопросы, дала советы, но в голове была только недосказанная история про букет для Ритуси.

Конечно, мы созвонились чуть позже. И, как всегда, болтали больше часа. Но Рита так и не удовлетворила моё любопытство. Напротив, только разожгла костёр бесконечных вопросов, рассказав несколько историй про Белую комнату, где тайком общается с душами известных людей. У каждого, кто приходит сюда, она спрашивает про Счастье и Любовь. Гости отвечают по-разному.

Для обычного человека эти истории могут показаться странными или выдуманными. Но, зная Маргариту, то, что она давно увлечена Фен Шуй, картами Таро и астральными путешествиями, я склонна больше верить на слово подруге, чем прогнозу погоды на ближайшие два дня. А пока меня не разорвало от нетерпения, с разрешения Маргариты поделюсь с вами несколькими историями из Белой комнаты. Вдруг в этих тайных беседах про Счастье и Любовь найдёте для себя что-то полезное и интересное?

Глава 1

БЕЛАЯ КОМНАТА

...Когда муж увёз Ритку за границу, она там вдруг заскучала. Пока привыкала к новой стране, городу, улицам, домам и людям, увлеклась раскладами Таро. Бродила по антикварным лавкам в поисках какой-нибудь тарелочки XVIII века, которая расскажет ей непростую историю о жизни и странствиях хозяев-аристократов. Чтобы хоть как-то избавиться от хандры, начала совершать астральные прогулки. Часто звонила на родину родным и друзьям. Но даже всё это многообразие досуга не могло утолить Риткину жажду приключений.

Потом у Риты появились странные знакомые. Девушку окружили маги, волшебники, колдуньи и колдуны, медиумы, экстрасенсы. Она посещала тайные собрания Ордена трилистника. Ходила на секретные спиритические сеансы. Бросала красные кружевные трусики на люстру в компании странных личностей, которые верили: дескать, именно красное, подброшенное до потолка, привлечёт в жизнь нескончаемый денежный поток. В те долгие осенние дни подруга и познакомилась с Мадлен...

– Кто такая Мадлен? – каждый раз спрашивала я Маргариту, умирая от любопытства.

А та отмахивалась: мол, Мадлен – имя вымышленное, что-то вроде прозвища. Как зовут эту загадочную даму, ей строго-настрого говорить запрещено. Дескать, человек очень известный в узких кругах и избегает общения с малознакомыми людьми. Думаю, именно конспирация и сверхсекретность мероприятий Мадлен разожгли любопытство подруги, и она ввязалась в очередную, не от мира сего, «авантюру».

Когда Маргарите шепнули, что существует некая Белая комната, где можно поговорить с известными людьми, она представила себе что-то вроде Овального кабинета. Да-да... Того самого, в западном крыле Белого дома, где четыре двери и три больших окна, выходящих на юг.

В тот день подруга скучала. Жажда приключений накрывала её очередной волной. И когда Мадлен пригласила Риту в Белую комнату, любительница острых ощущений тут же согласилась и понеслась на другой конец города, сгорая от любопытства.

Конечно, на деле всё оказалось совсем не так, как подруга себе это представляла. Белая комната была похожа на обычную телевизионную студию, где, как правило, беседуют ведущий и приглашённый гость. В первый раз Ритке участвовать в разговоре не разрешили: посиди, мол, послушай, поучись. Со временем Мадлен научила подругу одному чудесному трюку, и та могла не только раздвигать стены своей комнаты самостоятельно, но и приглашать в гости лишь тех, кто интересен ей самой. Так у Риты началась совсем другая жизнь, полная новых встреч, волнений и приключений.

Представьте себе, как сгорала я от любопытства, когда ждала звонка от подруги, требуя подробностей новой встречи в Белой комнате. Разумеется, строго соблюдая секретность, Ритка даже мне рассказывала не обо всём. Но и того, что я успевала выспросить за полчаса-час наших еженедельных бесед, вполне хватило для того, чтобы поделиться с вами любопытными фактами.

Глава 2

СВЕТ

Антон Палыч был хмурым и задумчивым. Говорил: мол, устал от людей. Всякую ерунду спрашивают. Дескать, жизнь на небесах не такая беспечальная, как может показаться тем, кто живёт земными заботами. В тёмно-сером костюме, с седеющей бородкой и волосами, в Белой комнате он казался ниже ростом. В стёклах стареньких очков отражались светлые стены. Писатель то и дело прикрывал глаза. Наклоняя голову, подпирал её пальцами. Поначалу Чехов отвечал на вопросы неохотно, словно делая одолжение. Но потом разговорился. Ведь речь шла о его обожаемой теме – о любви...

– Что такое счастье? – Рита заглянула в его грустные глаза. Улыбнулась ободряюще. Устроилась поудобнее, закинув ногу на ногу и сцепив руки замком на коленке.

– Счастье – это любовь, – Антон Палыч прикрыл глаза и откинул голову на спинку кресла: так ему легче думалось. – Несчастные те люди, которые не испытали этого светлого чувства. Если нет любви, то нет и счастья. Она божественна, как и жизнь, дарованная нам свыше.

– Что больше всего Вас беспокоило на Земле?

– Хм... Нищета и болезни.

– А что радовало? Что придавало сил?

– Любовь. Когда пришло время уходить, именно её я забрал с собой.

– Писательство – это дар или наказание? – Маргарита забралась с ногами в кресло, подтянула колени, упёрлась в них подбородком. Если бы кто-нибудь наблюдал за этой беседой, то сказал бы, что сидящая напротив Чехова девушка в этот момент была похожа на маленького ребёнка. На малыша, которому добрый дедушка рассказывает очередную волшебную историю.

Антон Палыч вдруг улыбнулся. Вот она – его любимая тема для разговора:

– И то и другое. Когда пишется легко, тогда дар, тогда как бы светишься, получаешь удовольствие. Слова идут от сердца, и ты позволяешь героям жить своей жизнью. Нет никакого принуждения: полная свобода для творчества. А наказание, когда писать заставляют. Когда знают, что можешь, поэтому давят на тебя, выпрашивая строчку, слово, рассказ. Это самое тяжёлое. Когда не хочешь, когда произведение не рождается, а ты должен! Хочется выть и плакать, всё сжечь, лечь и лежать, чтобы подумали: да он умер. Тогда меланхолия и депрессия охотно идут к тебе в подруги. А дружат они только с думающими людьми...

– Если бы у Вас была возможность, о чём бы сейчас написали?

– Хм... Свечи, свет... Люблю, когда тепло и светло. Написал бы рассказ, назвав его «Свет». Это история про тебя, как про мотылька, стучащегося в окно. Маленькое красивое чудо, ждущее счастья. Крошка с большими крыльями, не предназначенными для того, чтобы

летать. Пусть этот мотылёк не разобьётся о стекло. Пусть ему помогут те самые большие крылья. И пусть он верит, что самое светлое всегда впереди. И ты верь. Маленькое земное чудо, которое всё ещё ищет любовь...

– И тогда он поднялся. Сказал, что ему пора. – Ритка взволнованно дышала в телефонную трубку. – И подарил мне букет. Представляешь? Мои любимые цветы. Откуда Чехов мог знать о том, какие цветы я обожаю? Загадка...

...После того как подруга рассказала мне про Белую комнату, я не спала несколько дней. Представляла Антона Палыча с пишущим пером в руке. Чернильные капельки, растекающиеся хмурыми тучками по белому бумажному небу. Я видела огонёк свечи в окне. И Ритку, которая летит на свет любви, как мотылёк. Я слышала, как хлопают её крылья. Мне почему-то показалось, что крылья подруги должны быть, как у бабочки: большие, яркие и тонкие. И в них обязательно должны отражаться свет, Антон Палыч, склонивший голову над чистым листом, и дрожащее от волнения перо, которое рисует новую «картинку» о счастье и любви.

Глава 3

МАГИНЯ

Мадлен... Мне не давали покоя необычное имя и странная история дамы, свободно говорящей на пяти языках и гуляющей босой по облакам в солнечную безветренную погоду. И прошу заметить: говорю так не к тому, что ревную подругу к новой знакомой. Если знакомство с Мадлен не тащит за собой опасность на поводке, то, ради того, чтобы Ритка была счастлива, я готова смириться. Тем более (со слов Маргариты) эта женщина появилась в её скучной жизни явно для того, чтобы погорчить перцем слишком пресные будни в чужой стране.

Каждый раз, когда я спрашивала о Мадлен, о её семье и интересах, Ритка замолкала, словно боялась ляпнуть что-то лишнее. Такое, что навлечёт беду на голову Мадлен и всех, кто с ней близко знаком. Но однажды, пребывая в хорошем настроении, подруга всё же выдала несколько тайн своей наставницы. Я слушала, открыв рот, и, признаюсь, с трудом верила в эту красочную, как новогодняя ёлка, историю.

Первый муж Мадлен был прост лицом, низок ростом и беден, как церковная мышь. Заполучив в жёны самую красивую девушку планеты, он был так горд, что начал выпивать, ревновать супругу к каждому столбу и поколачивать благоверную почти каждый вечер. И вот одним дождливым днём Мадлен удалось вырваться из его крепких натруженных рук. Выскочив за дверь, девушка растерялась, наступив в глубокую лужу. «Утоплюсь!» – первое, что в тот момент пришло ей в голову. Она побежала к морю, желая отдаться во власть бушующих волн. Поскользнувшись на гладких и мокрых камнях, упала, до самого рассвета рыдала от боли и бессилия.

Утром её нашли рыбаки из соседней деревушки. Один из мужчин помог девушке подняться. Увидев синяки на руках, укоризненно покачал головой. Отвёл в свой дом, попросив жену и мать присмотреть за несчастной. Мадлен прожила у этих добрых людей около месяца. Потом одной лунной ночью рыбак переправил гостью на другой берег. Так она оказалась в чужом городе. Так началась её новая жизнь.

Второй муж Мадлен был красив лицом, высок ростом и сказочно богат. Посадив молодую жену в золотую клетку, он день и ночь пропадал в игорных домах, спуская состояние на девок, выпивку и карты. В этом браке у Мадлен было всё, о чём она когда-то мечтала: роскошный дом, наряды, лошади, балы. Вот только любви здесь не было.

Скучая, Мадлен выписывала книги, обучающие магии и волшебству. Изучая силу потустороннего мира, начала применять полученные знания на практике.

Так, запертая в четырёх стенах, девушка научилась раздвигать стены и гулять по облакам. Потом решила на астральные прогулки. Наведалась в своё прошлое, сильно удивилась, узнав в одной безумно красивой ведьмочке себя. Вернувшись в золотую клетку, плакала, жалея себя и заросший мхом дар предвидения, которым наделило бедняжку Мироздание. Устав страдать, девушка решила действовать. В одну из лунных ночей она вышла из дома. И больше туда не вернулась...

Мадлен появилась через несколько лет в одном большом европейском городе. Зарабатывала на хлеб полезными знакомствами с жёнами дипломатов, банкиров и бизнесменов. Изнывающие от безделья, как когда-то скучала Мадлен, они с радостью обращались к провидице за советом. Охотно приходили на спиритические сеансы, сгорая от нетерпения и любопытства, следили за руками Мадлен, которые одну за одной вынимали карты Таро.

Используя деловые связи, Мадлен развелась с мужем, отсудив большую часть его состояния, которое к тому времени он уже успел пустить по ветру. В итоге ей достался летний домик на побережье. А ещё пара лошадей и внушительный банковский счёт.

И вот теперь, ни в чём себя не ограничивая, магиня (так она представляется при знакомстве, всё ещё отказываясь признать себя ведьмой) живёт в своё удовольствие. Гуляет по облакам, раздвигает стены, собирает травы и готовит приворотное зелье, проводит спиритические сеансы для жаждущей новых впечатлений публики. А в свободное от всей этой «мишуры» время обучает магии особо приближённых и интересных ей личностей, вроде Ритки, обожающей тайны и приключения.

– Ты же понимаешь, – загадочно шептала подруга в телефонную трубку, – магия, как и все остальные науки, открывается не каждому. И когда Мадлен сказала, что у меня есть дар, я тут же согласилась на обучение и тайные встречи в Белой комнате. И до сих пор не жалею о таком решении...

...Уложив детей спать, я задумчиво изучала круглолицую луну. Она лукаво улыбалась, двигаясь среди тёмных небес, словно модель по подиуму. Допустим, я могла поверить, что некоторым людям дарованы способности раздвигать стены, общаться с душами на расстоянии и гулять по облакам, как по траве.

Но мой внутренний скептик пожимал плечами, ехидно предлагая самой раздвинуть стены и оказаться в райском саду, а не в этой тесной квартирке. А сердце... Оно убеждало: лучшая подруга не может так красиво и долго водить меня за нос. Ведь она не только свидетель всех этих чудес, но и сама принимает в них активное участие. Как бы там ни было, теперь и я, слушая и записывая рассказы Ритки, невольно становлюсь соучастницей магических ритуалов. А раз так, то пришла пора и мне выйти на сцену собственной жизни и сыграть эту пьесу по-своему.

Проснувшись следующим утром, я вдруг поняла, что могу приблизить своё будущее, создать его именно таким, каким хочу видеть. Засучив рукава, принялась раздвигать стены сознания. Разумеется, делаю это в здравом уме и светлой памяти, под ворчание внутреннего скептика и при горячей поддержке сердца...

Глава 4

СТРАННЫЕ ПУТИ СУДЬБЫ

Маэстро явился на встречу в очень элегантном костюме. Сел в кресло. Непринуждённо закинул ногу на ногу. От него вкусно пахло... обаянием. Это первое впечатление, которое врезалось в Риткину память. Как только мужчина вошёл, мощная энергия заполнила жизнью пустое безликое пространство. Белая комната за секунду стала яркой и цветной. В ней появилась жизнь. Казалось, гость был повсюду. Только что уместился в кресле напротив. Теперь уселся на подлокотник Риткиного кресла, чуть приобнимая девушку за плечи. И вот он уже у двери...

Феллини говорил быстро, жестикулировал и смеялся. Маргарита, которая пришла на встречу не в настроении, тут же повеселела. Подумала про себя, что в обществе этого харизматичного и остроумного итальянца невозможно грустить.

– Садись, девочка! – лучезарно улыбнулся Маэстро, целуя её руки. – Давай выпьем! – и расхохотался, увидев Риткино удивлённое лицо. – Нет, не вина. – Наклонился ближе, подмигнул, прошептал доверительно: «Вина здесь нет. Но есть напиток радости и счастья». Потёр ладони, предвкушая увлекательную беседу. Звонко хлопнул в ладоши, непринуждённо сел в кресло, вытянул ноги, сложив одну на другую.

Рита так растерялась, что забыла, кто она и зачем пришла. Любуясь красивым жизнерадостным мужчиной, по-хорошему завидовала тем женщинам, которым посчастливилось работать с Маэстро или просто тихонько обожать, стоя на расстоянии вытянутой руки. «О! Женщины... Любовь...» – вспомнила девушка про свои вопросы. Смущённо поправила упавшую на лоб прядку и начала, заикаясь от волнения:

– Федерико, что для Вас счастье и любовь?

– О-о-о... Счастье... – Взмахнул руками, описывая в воздухе огромный воздушный шар. – Когда жил земной жизнью, однозначно счастьем были творчество и любовь к женщинам. Сегодня моё сердце принадлежит только Всевышнему. А как иначе? Каждый, кто познаёт его любовь, больше ни о чём думать не может. Сейчас ты спросишь: «Верил ли я в Бога?» – Феллини улыбнулся, закинул ногу на ногу, взволнованно постучал пальцами по подлокотнику кресла. – Верил. Всегда и искренне. Ещё будучи маленьким мальчиком, знал, что стану известным и знаменитым. О-о-о... – сложил ладони вместе, как для молитвы, откинулся в кресле, задумчиво опустив ресницы. – Я знал: Всевышний любит меня и никогда не оставит. Молился много и часто. Входил как в транс и получал заряд новой творческой энергии. И прожил так, как хотел. Так, как вёл меня Бог дорогами судьбы.

Маэстро резко подался вперёд, цокнул языком и подмигнул Маргарите:

– Так что мои фильмы божественные... Теперь ты понимаешь, почему они известны...

– А что Вы больше всего любили в земной жизни?

– Еду! Нет таких итальянцев, которые бы не любили поесть. О-о-о, еда! Это же второе чудо света! Как и сама Италия. Страна счастья, солнца и красивых людей! И все, кто в ней родились, поцелованы Богом.

– А женщины?.. – начала было Ритка

– А женщины... Это испытание для мужчины на Земле. – Феллини резко встал, прошёлся ко комнате, заложив руки за спину. – Я так вижу, так чувствую. – Улыбнулся, на ходу посылая подруге воздушный поцелуй. – И чем красивее дама, тем труднее испытание. Вот ты... Ты очень красива! Зря в себя не веришь. Из тебя получилась бы актриса. Капризная, правда. Ну... (ещё один воздушный поцелуй для Риты) им это разрешается.

Маргарита едва не расплакалась от умиления и восторга. Приложив руки к груди, внимательно слушала Маэстро и своё взволнованное сердце.

– Тебя нельзя не обожать. А ты себя не любишь, в этом и проблема. Ищешь подтверждение себя во мнении других людей. Ты тоже поцелованная Богом. Да-да! Мне (поднял указательный палец к потолку) оттуда всё видно. Это как знание, которое нельзя скрыть, понимаешь? Верь в себя, и двери откроются. Да они и так открыты, ты только должна в них войти. За тебя, моя дорогая! За жизнь земную, долгую и беспроblemную!

– А потом он подарил мне свой шарф! Стильный такой. Мужской. – Ритка зашептала в трубку, видимо, воображая себя агентом, работающим под прикрытием. – Расписался на нём. Сказал: «Чао, дорогая! Теперь ты часть меня. Буду гордиться, что видел тебя!» Представляешь? Феллини... Будет мной гордиться... И шарфик... Откуда он знал, что я шарфики люблю? Загадка!

...Вечер казался бесконечным. За окнами лил дождь, было сыро и холодно. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я думала про Ритку и Маэстро. Представляла подругу в одном из его фильмов: она драматично заламывала руки и была чудо как хороша в этом постановочном отчаянии. Феллини кричал: «Брависсимо!» Целовал Ритку в макушку и уходил в темноту, окутанный сигаретным дымом, тайной и счастьем. Поцелованный Богом. Баловень Судьбы. Любимец женщин. Эгоист, гордец и гений...

Глава 5

СТРАШНАЯ СИЛА

Когда Ритка собралась в гости к Клеопатре, Мадлен растерялась. Сказала, что к этой царице одной ходить опасно. Нужен спутник. Желательно мужчина. Сильный, уверенный, харизматичный и красивый. Именно такие ей нравятся. А без мужского сопровождения первая красавица Египта гостей (особенно женского пола) принимает не очень охотно.

Перебрали всех знакомых, близких и друзей. Никого с таким послужным списком не нашли. Нет, конечно, были мужчины. Но каждому из них чего-то не хватало. Одним – мужества. Другим – силы и красоты. И тут, после долгих раздумий, Марго вспомнила про одного колдуна. Тот всем был хорош. Да к тому же не женат. «Была – не была!» – подумала девушка и дрожащими от волнения пальцами набрала телефонный номер.

Когда Драгомир согласился (ох и долго же его пришлось уговаривать), начали думать, в чём (и с чем) пойти в гости. Остановились на белом одеянии, сандалиях, ларце с камнями и цветах.

– Ну, – прошептала Ритка, – крепко сжимая ладонь спутника. – С Богом! – и, зажав глаза, шагнула сквозь стену.

...Она восседала на огромном троне. Спина прямая. Голова гордо поднята. Смерила Ритку взглядом. Улыбнулась Драгомиру:

– Девку свою привёл... Лучше бы один пришёл!

Перевела взгляд на Маргариту:

– Да не обижайся ты. Рада, что пришли. Проходите!

Вздохнув с облегчением, девушка огляделась. Ковры на полу, фонтаны, сад, наложницы. Птички поют. Тигры гуляют и леопарды. Тепло и красиво, как на южном курорте. Только вот мужчин не видно.

– Спросить у меня что-то хотела или просто поглазеть пришла? – прервала Клеопатра Риткины беспокойные мысли.

– Поглазеть... – неуверенно замялась подруга. – Хотя, если честно, страшно в этом признаться.

– Да ты не одна такая. Вы-то хоть с подарками пришли, с цветами. А другие просто так заявляются, как на выставку. Стоят. Молчат. Разглядывают.

Маргарита решила не отставать от большинства и принялась рассматривать роковую красотку. Это покажется вам забавным, но ничего красивого в Клеопатре подруга не нашла. Невысокого роста. Нос с горбинкой. Странная внешность для женщины, ставшей легендой.

– Что для Вас красота? – Рита поклонилась Клеопатре, опустив глаза в пол. Если уж помирать, то с музыкой... Пусть сама всё и расскажет. Тоже мне, красавица выискалась.

– Красота – это сила. С её помощью можно владеть миром. – Царица прищурилась, изучая лицо гостыи. – Ты красивая. Тебе многое дано. А мне... Мне пришлось всего добиваться самой. Это я придумала миф о красоте. И любовников убивала только для того, чтобы это убеждение не развеялось. Ведь они видели меня настоящей, такой, какая я есть – обычной и... некрасивой.

– Завидовали чужой красоте? – Ритка одёрнула руку Драгомира, чуть сильнее сжавшую её ладонь. Придержи язык, словно говорил он. Не с кем-нибудь разговариваешь. С царицей Египетской.

– А как же... – Клеопатра впервые улыбнулась, легко сменив гнев на милость. – Я всегда считала, что красота – одно из важнейших достоинств человека. Но тут ещё вот что важно: сила не только в красоте, но и в уме. Это нужно помнить каждой женщине. Ведь красивой можно стать, а вот умной – никогда!

– Легенды гласят, что у Вас было очень много мужчин, – Ритка так осмелела, задавая вопросы, что смотрела царице в глаза. – Кого-нибудь из них Вы любили?

Клеопатра рассмеялась:

– Любила ли я кого-нибудь? И да и нет. Всегда любила, люблю и буду любить только себя. И тебе то же советую. Иди, девочка! Пользуйся жизнью для того, чтобы совершать глупости. Поверь мне на слово, дорогая. Тут, наверху, нельзя совершать ошибки. Жизнь здесь скучная и однообразная.

– А потом она встала, – Ритка вздохнула, наполнив телефонную трубку тревожным шёпотом. – Видела бы ты, как царица посмотрела на нашего колдуна... Призывно, как кошка на кота: дескать, оставайся! Тот смутился. Опустил голову, чтобы не встречаться с приглашающим женским взглядом. Сказал, что пора. Взял меня за руку: мол, не один я пришёл, с девушкой. Поняла. Кивнула. Доброго пути пожелала. Отвернулась: типа, каши с вами не сварю. Мы ушли чуть ли не цыпочках. А когда домой вернулись и успокоились, друг мой сказал, что давно его Клеопатра в гости звала. Да только один идти не решался. Такие дела, подруга. Такие загадочные дела...

...Ночью мне приснился странный сон. В нём были Ритка и Клеопатра. Они спорили о красоте, рисовали «стрелы» на глазах, выбирали помаду и румяна. Вроде бы намечался какой-то бал. И вроде бы Клеопатра, которая явно проигрывала по красоте современным девушкам, злилась, рассматривая стильные кожаные брюки и юбки-мини. Подруга одолжила царице свой любимый клатч, маленькое чёрное платье и несколько браслетов.

– Красота – это сила. С её помощью можно владеть миром, – успокаивала Ритка взволнованную Клеопатру. А потом, повернувшись ко мне, подмигнула:

– Это *страшная* сила... Но только т-с-с... Этот миф не должен быть развеян!

Глава 6

ВЕДЬМАК

Думаю, Клеопатра была не единственной женщиной во Вселенной, обратившей внимание на красавца-колдуна. Как-то Ритка обмолвилась: дескать, если бы не считалась замужней, то, выбирая спутника, наверное, присмотрелась бы внимательнее к Драгомиру. И вот тогда я с удивлением узнала: наш колдун, телохранитель и друг до сих пор не женат. Оказалось, дар, которым владеют многие знакомые и друзья Маргариты, на деле выглядит как палка о двух концах. И если с одной стороны они обладают силой видения и способностью предсказывать будущее, то с другой – практически не могут совладать с простым человеческим счастьем...

Будучи мужчиной в самом расцвете лет, колдун всё ещё находился в поисках той, которая способна не только творить чудеса, но и любить:

«Дева сия должна быть способна принимать различные образы. Сегодня она мягкая и пушистая, завтра – дьявол во плоти, а через неделю – огонь и лёд одновременно. Хотелось бы видеть рядом с собой длинноволосую, цену себе ведающую, знанием и возможностями обладающую. – Потом Драгомир умолкал на минуту, словно пугался слишком высоких требований. И продолжал: – Но всё же это женщина, которая способна любить, а главное хочет этого. Оберегающая дом и очаг, хозяйка, способная на самопожертвование, но в то же время и гордая амазонка».

Подруга рассказывала, какими тернистыми были путь и становление колдуна. Когда колдун понял, что достиг дна и дальше уже некуда плыть, начал искать пути и выходы из создавшегося положения – ту самую прорубь в скованной льдом реке. Тыкался в стены, как слепой котёнок, стучал в закрытые двери, выл по-волчьи заунывно. Но как бы тяжело и холодно ему ни было, старался не унывать: чувствовал, что его дверь откроется в нужный момент.

Первая дверь оказалась крошечная, как у Алисы в Зазеркалье. Но Драгомир точно знал: «Это моя дверь! А следующая будет немного больше!» Увлёкся хиромантией. Изучал хитросплетения линий, узоров, знаков на ладонях и ладошках. Что-то уже мог читать по своим рукам, а что-то ему подсказывали.

После того как освоил хиромантию, начал понимать не только своё предназначение, но и подсказку той маленькой дверцы, в которую не смог пройти... Это был второй вход. Увлёкся Рунами, чёрной магией и всем тем, что должен знать и уметь настоящий колдун.

«С каждой распахнутой или чуть приоткрытой дверью я рос. Сам создавал себя. Что-то получалось, что-то не выходило. Набивал шишки, получал раны и ожоги, психовал, поддаваясь отчаянию. Но в итоге стал тем, кем и хотел быть: владею знанием и силой. Вот только нет у меня любви, во имя которой можно (и нужно) творить!»

Рита тихо шептала мне в трубку, что «коллеги по цеху» между собой называют колдуна тёмным. Он этого не отрицает, но утверждает: даже работая с тёмными силами, стремится к свету. Дескать, порчи и бяки на счёт «раз» свершаются, а добро светлое с тяготами приходит. «Интуиция у меня развитая, – делился Драгомир с Риткой. – От предков ясное видение и веда-

ние имею. Нравятся черти и бесы перекрёстные. Духи леса мне подчиняются. Вижу жителей, ушедших на тот свет, в тех или иных домах живших. Работаю с душой, образно говоря, из любви к искусству... Руны скандинавские и Таро – мои лучшие и верные друзья. А русские Руны, третьего дня открытые, или старословенская азбука будоражат и околдовывают своей мощью и силой».

– В общем, если переложить на исконно русский лад «профессию» Драгомира, то ему больше не колдун по душе и способностям приходится, а ведьмак. – Ритка замолчала, слушая, как громко и встревоженно бьётся моё сердце. Потом вздохнула и успокоила: – Да ты его не бойся. На самом деле колдун и мухи не обидит, если сама муха за какой-нибудь надобностью чёрной магией не займётся. Такие у нас дела, подруга. Такие загадочные дела...

Вспоминая этот разговор, я представляла себе Драгомира, шалаш в дремучем лесу, костёр, шипящий, как змея, на каждого, кто осмелится нарушить границы чернокнижника. Был он почему-то по пояс голый, с длинными и тёмными, как сажа, волосами. Мастерил лук и стрелы. Терпеливо ждал, пока его берегиня и амазонка закончит магический ритуал на соседней поляне и накормит, наконец, его сытным обедом. Я даже видела стройный стан, мелькающий среди деревьев. Волосы, развевающиеся на ветру. Вот только лица её я почему-то не рассматривала.

И чем дольше я думала о ведьмаке, тем больше убеждалась: на роль спутницы колдуна, способного подчинить себе не только лес, но и Вселенную, Ритка подходила идеально. Но подруга уже была счастлива в браке. И Драгомир сам убедился в этом, прочитав о её большой любви не по лицу, как это делают его «коллеги», а по ладоням. Мне, находившейся на расстоянии в несколько тысяч километров от всей этой странной компании, оставалось только надеяться: легко и играючи войдя в это общество, Ритка сможет выйти из него в любой момент. Выскользнуть так, чтобы не повредиться умом и не заразиться излишней тягой к магии и волшебству...

Глава 7

КОЛЛЕКТИВНОЕ ТВОРЧЕСТВО

...В Белой комнате было шумно и весело. Для почётных гостей выделили большой кожаный зелёного цвета диван. Кресло для Ритки тоже поменяли. Вместо строгого и современного поставили мягкое, обтянутое нежной тканью в красный мелкий цветочек. Среди бледных стен эти старомодные предметы интерьера казались по-домашнему уютными и тёплыми.

– Вот ты и пришла! А мы тут болтаем уже! – Ильф весело помахал рукой Ритке, вскочил с места, придвинул её кресло ближе к дивану. Петров, приветливо кивнув, деловито водрузил на столик печатную машинку. Зоценко, которого девушка поначалу не заметила, подошёл и по-свойски похлопал по плечу, жестом пригласил садиться.

– Да у вас тут весело! – не сразу нашлась растерявшаяся Маргарита.

– А то... – шутливо обвёл рукой собравшихся на диване Петров, – какие писатели, такая и беседа...

И тут Ритка вздохнула с облегчением, разглядев на диване ещё одного гостя,. Вернее, гостью. Мадлен говорила, что постарается прийти, но конкретно ничего не обещала. Как наставница и дама, вдвое старше по опыту (и возрасту), она знала писателей не только по написанным произведениям. Их связывала давняя дружба. «Это глубокие, мудрые люди, – отзывалась о друзьях Мадлен. – Рано они родились или поздно, но точно не в своё время».

Пока гости усаживались, Ритка успела тайком рассмотреть классиков русской советской литературы. Евгений Петрович Петров смахивал на Штирлица из фильма «17 мгновений весны»: острый нос, умные и задумчивые глаза, высокий благородный лоб. Илья Арнольдович Ильф с большим ртом и тоненьким пенсне на переносице чем-то походил на героев из фильмов Вуди Аллена: таким нежным и хрупким на фоне «Штирлица» он казался. Михаил Михайлович Зоценко напоминал Ритке двоюродного дядюшку по супругу: доброе лицо, мягкая улыбка. Если бы Леонардо да Винчи писал Мону Лизу в мужском обличье, то это вышел бы, однозначно, портрет Зоценко.

– Представьте, что вы живёте в наше время, какие произведения начнёте писать? – Ритка стеснялась обращённых на неё мужских глаз. Вопросы задавала несмело. Иногда, помогая девушке, выручала Мадлен.

– Про коррупцию... – улыбнулся, потирая руки Ильф.

– Про взятки! – тут же добавил Зоценко.

– Про любовь и нежность... – мечтательно пропел Петров.

– Да мир не особо изменился, – от себя добавила Мадлен. – И строй в общем-то, тоже. Да ты не теряйся. Уж они-то знают, что ты их любишь. Я им всё про тебя рассказала. Гляди-ка, книги тебе подписали. Ну же... Смелее! Спрашивай!

– Ну хорошо. Тогда спрошу про ваших героев, – Ритка улыбнулась, расправила плечи, расслабилась, откинувшись на мягкую спинку кресла. – Если говорить о современном мире, жил бы, к примеру, Остап в наше время?

– Ну конечно! – улыбнулся Ильф под общий смех. – Люди как были наивными и желающими быть обманутыми, так и остались.

– А счастье? Каким оно было тогда и теперь?

– Тогда это была свобода, – подумав, ответил Зошенко.

– Да-да! – добавил Петров, вставляя чистый лист бумаги в печатную машинку. – Свобода. Вплоть до возможности дышать и думать...

– А сейчас это возможность творить без оглядки на сильных мира сего, – гордо сложил руки на груди Ильф.

– Ты про любовь забыла спросить, – тронула Мадлен Риткину дрожащую руку. – Чувства всегда очень важны...

– Так, значит, тебя любовь интересует? – Зошенко прищурился, растянул губы в полуулыбке Моны Лизы. – Что тебе сказать? Вот мы тут смеёмся, шутим. А на самом деле в любви смешного мало. Мне кажется, в ней больше трагического.

– Но позвольте! Взаимная любовь – это и есть счастье! – Петров уже не улыбался. Взгляд его был серьёзным и строгим. – А всё остальное – печаль души, сердца, разума. По мне, так каждый должен испытать любовь, иначе утрачивается смысл человеческой жизни...

– А как появлялись ваши произведения?

– Они рождались сами, летали в воздухе вместе с историями. Их нужно было только поймать и записать... – перебивали друг друга писатели, как мальчишки, выскочившие после трудного урока на перемену.

– А хочешь, они тебе что-то коротенькое надиктуют? – улыбнулась Мадлен.

Ритка кивнула и затаила дыхание: ещё бы, она даже мечтать о таком не могла.

– Тогда пусть это будет коллективное творчество, – приготовился печатать Евгений Петрович.

– Про что хочешь? – хитро прищурился Илья Арнольдович.

– Про жадность!

– Пожалуйста: «Феодосий был жадным. Жадным до всего. А особенно ему было жалко свою жену, которая мучалась с ним, имея шанс ещё раз выйти замуж, причём удачно!»

– При чём тут жадность? – поддел Ильфа смеющийся Зошенко.

– Да так, к слову... – захохотал довольный Ильф.

– А можно про любовь? – обратилась Марго к Петрову.

– Эх... Далась тебе эта любовь. – И Евгений Петрович застучал по клавишам, громко проговаривая вслух каждое слово: «Мефодий боготворил свою сослуживицу. Не то чтобы он её любил, а именно боготворил, вознося её в мыслях прямо к Всевышнему. А вот сослуживица его любила и мечтала затащить в постель, а затем и в загс, нарожать с ним кучу детей и умереть в один день...»

– Знаешь, было так весело и легко, что не хотелось покидать эту шумную мужскую компанию, – отсмеявшись своим воспоминаниям, Рита вдруг стала серьёзной. – Но единственная тема, на которую они шутить и писать никогда бы не стали, – это война... А когда я спросила, хотели бы они на Землю вернуться, все трое сказали: «Нет!» Образно сравнили человеческое тело с тюрьмой. Такие дела, подруга. Такие загадочные писательские дела...

...Утром я проснулась с желанием написать книгу про Риткины посиделки в Белой комнате. Не дожидаясь следующего четверга, позвонила подруге и спросила разрешения на публикацию историй. Та посоветовалась с Мадлен. И обе странствующие по облакам дамы дали добро. Но перед тем, как приступить к творчеству, я взяла с подруги честное слово показать рукопись Ильфу, Петрову и Зошенко. Зачем? Да так, к слову... Интересно же, как оценят мои труды классики русской советской литературы.

Глава 8

ТУМАННОЕ БУДУЩЕЕ

Мы созванивались с Риткой по четвергам. У неё этот день был единственным выходным. Остальные отметки недели были расписаны на месяц вперёд: деловые поездки с мужем, спиритические сеансы, шоппинг, благотворительность, прогулки под луной и встречи в Белой комнате. Я в шутку называла этот день «чистым четвергом», намекая на очищение помыслов и смыслов. Маргарита, увлечённая своими приключениями, на шутку не обижалась. Напротив, считала четверг самым лучшим в списке недели. Ведь именно по четвергам она занималась тем, что больше всего любила в заграничной жизни – разговаривала на родном языке.

Следом за Риткой начала любить четверг и я. И вовсе не потому, что по привычке перенимала от подружки не самое лучшее. (По мнению моего горячо любимого супруга, Ритка была для меня плохим примером, которому не надо подражать. Заряжаясь энергией и жадой приключений, после каждого нашего разговора я хотела круто изменить жизнь). А потому, что в четверг для меня открывалась завеса новой тайны. Именно с этого дня недели планировались масштабные перемены в моей скучной и однообразной жизни. Согласитесь, редко кому хочется активных действий накануне выходных. Ведь обычно новый мир строят с понедельника, а не с четверга...

Однако именно один из таких четвергов стал нашей с Риткой отправной точкой. Куда мы отправлялись? Навстречу давней мечте. Все эти прогулки в облаках, шабаши, кружевные трусики на люстре и расклады Таро были для Маргариты очередным развлечением. Не лекарством от скуки, как она любила повторять. А ширмой, плотной и пыльной, как занавес в стареньком театре. Той чертой, которую Маргарита очень боялась перейти. Границей, отделяющей девушку не только от родины, но и от мечты.

– В моей жизни стало слишком холодно и туманно, – сказала мне тогда Ритуся. – Хочу чего-то настоящего, понимаешь? Не мифического, странного и загадочного. Желаю жить так, как велит сердце, а не муж, не мама, не общество или мой ребёнок. Но вся беда в том, что туман очень густой – никак не могу рассмотреть: что там, за ближайшим поворотом. И страшно. И жутко интересно. Как думаешь, надо ли вглядываться дальше?

Тогда я ответила: дескать, чего бы ни прятал под серым плащом туман, нужно обязательно идти вперёд. Ведь возвращаться назад уже нельзя – за спиной тоже туман. А потом, когда положила трубку, задумалась о туманном будущем. Чего я хочу рассмотреть за ближайшем поворотом? Как, где и с кем желаю жить? Чтобы, как говорится, за себя не стыдиться и было что внукам рассказать...

В тот четверг, словно отвечая на наши с Риткой вопросы, Вселенная прислала подсказки. Мне она подсунула один модный журнал, а Ритке – встречу с очередным гостем в Белой комнате.

Глава 9

ЖИТЬ ДРУГОЙ ЖИЗНЬЮ

...На встречу с Сервантесом Ритка не смогла пойти. То ли занята была, то ли приболела, уже и не помнит. Но раз время назначено и Белая комната свободна, то обидеть гостя было бы с её стороны оскорблением. Попросив Мадлен поговорить с известным писателем, Рита вздохнула с облегчением. Ведь, к стыду своему, «Дон Кихота» не читала. Да и Сервантеса как писателя совсем не знала. Как-то у них не сложилось, что ли... Да, подруга видела по телевизору отрывки, снятые по книге этого испанца. Но, скорее всего, они не впечатлили настолько, чтобы проникнуть в душу и запомниться надолго. Поверьте мне на слово: Ритка не была бы Риткой, если бы пропустила что-то для себя важное и интересное...

Отправляясь в Белую комнату, Мадлен пригласила на встречу и Драгомира. (Сама не знает, как так получилось. Вроде бы он упоминал про Дон Кихота, как одного из любимых литературных героев). Друзья вернулись под большим впечатлением. Сказали: мол, писатель был очень рад, что Маргарита про него спрашивала и надеялся: дескать, прочтёт книгу и поменяет мнение о Дон Кихоте. Сервантес прислал Ритке книгу с подписью «Дульсинее от вечно преданного Дон Кихота. С надеждой на встречу», чем расстрогал девушку необычайно. В тот день она дала себе слово прочитать роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». И вовсе не потому, что обещала. Просто действительно заинтересовалась.

Мадлен уселась поудобнее, приготовила листок с Риткиными вопросами. Едва скрывая волнение, начала беседу:

– Что думаете о себе как о писателе?

– Хм... Пожалуй, признаюсь: писатель я так себе, – Мигель улыбнулся, подняв указательный палец, словно призывая слушателей к тишине. – Но не хуже многих... Писал больше для себя. Наверное, потому что не писать не мог. Иллюзий по поводу своего творчества не питал. Успех произведений удивил, но и обрадовал, конечно. Каждому ведь хочется признания...

Тогда Драгомир, который в эти дни находился в тупике, пытаясь выйти к свету в своих тёмных изысканиях, и который, в отличие от Ритки, перечитывал книгу Сервантеса несколько раз, спросил мнение писателя о Дон Кихоте как о герое.

– Да не герой он вовсе, – с грустью ответил Сервантес. – Так, потерянный сумасшедший в сумасшедшем мире людей. Кругом злоба и зависть, а он, как противовес – чистота и наивность.

Мадлен, внимательно наблюдая за тем, каким мягким и нежным становится лицо колдуна, невольно любовалась мужчиной, увлечённым, как мальчишка, не только магией, но и ветряными мельницами. Позже наставница тайком делилась с Риткой: в те редкие минуты, когда ведьмак не знал (или не ощущал), что за ним наблюдают, становился похож на простого человека. На мужчину, который не только отвечает за свои слова и поступки, но и, возможно, умеет любить и мечтать.

Может потому, не ведая, что просьба высказать мнение про счастье – это любимый, даже один из главных вопросов, которые Маргарита задаёт гостям, Драгомир спросил о нём у прозаика. Тот ответил, что главным источником счастья его земной жизни было писательство: «Много писать – это словно находиться в другой жизни. Ведь на бумаге легче бороться с мельницами и побеждать, а вот реально такое в принципе невозможно...»

Ещё одним источником счастья простой жизни для Сервантеса была... еда. Она доставляла ему радость: «Ибо нет ничего приятнее, чем сидеть за столом и наслаждаться покоем». Что для него счастье сейчас? Наверное, писать и носить одежду славы, наблюдать за популярностью, какой пользуется произведение на земле. Счастье сейчас – помогать людям в понятии и принятии жизни. Ведь настал тот момент, когда наконец-то рассвело, и дорога открылась, указывая верное направление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.